

Война глазами детей: рассказ-реквием

И. В. Ермолицкая,
педагог-организатор
гимназии № 3 г. Могилева

Актальный зал оформлен соответственно теме. На стенах висят портреты пионеров-героев, а над ними завязанные пионерские галстуки. Стенгазета «Дороги войны» и книжная выставка «Память пылающих лет» глубже раскрывают тему бессмертного подвига юных героев.

Сцена оформлена в духе времени – это наша память погибшим детям в застенках концлагерей. На фоне красного полотнища – надломленная береза. Над ней горит яркая пятиконечная звезда. На стволе – живая зеленая ветка – знак того, что жизнь продолжается.

1 часть Действующие лица:

Учитель, Конрад Вольф, Маргарита, Ярославна, Сольвейг, Нелли, Млодек, Млада, Герои-подпольщики, Чтецы.

(Звучат фанфары. На сцене зажигается яркий свет).

Ведущий:

Вот я пришла к вам.

Пришла и не знаю, как начать. Я не знаю, как мне к вам обратиться, потому что меня слушают и взрослые, и дети. И смотрят на меня. И ждут. А я понимаю, что все дети – будущие взрослые,

А все взрослые – бывшие дети. Значит, вроде бы одно и то же, а на самом деле, не одно и то же. Если я сейчас скажу: «Слушайте, дети!» – дети наострят уши, а взрослые снисходительно улыбнутся и подумают: «Мы не туда попали. Но, пожалуй, послушаем, что она там расскажет нашим детям...»

Взрослые уверены, что должны вмешиваться во всё, что слушают и делают дети. На самом-то деле взрослые ничего не понимают. Если им сказать: «Вот стоят пять стульев гуськом – это голубой экспресс, и на нём можно уехать куда угодно». Взрослые ответят: «Поставь стулья на место, в доме должен быть порядок». И в одну минуту сломают голубой экспресс. Совсем не для того, чтобы посмотреть, что у него внутри, а просто так. Ведь они твердо знают, что стулья – это только стулья. Вообще взрослые всё твердо знают. Если я сейчас скажу: «Слушайте, люди...!» взрослые поморщатся: «Ну зачем так высокопарно. Как будто мы и сами не знаем, что мы – люди?!» А дети? Дети снова наострят уши. Во-первых, дети подумают, что попали

на взрослое представление, а этого им всегда хочется. Во-вторых, дети в душе считают, что они тоже люди. Правда, они слышат, как взрослые говорят: «Дети нас утомляют! Надо всё время опускаться до их понятий. Опускаться. Наклоняться. Сгибаться. Сжиматься... Но мы не от этого устаём. А от того, что надо подниматься до их чувств. Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться, чтобы не обидеть». А если говорить уж совсем откровенно, то когда в зале гаснет свет (на сцене включается свет) и на сцене начинают происходить чудеса, взрослые мгновенно превращаются в детей. Ведь их не видно, и им

нечего стесняться. Только в антракте, когда им надо ругать пьесу и артистов (надо, ничего не поделаешь), они – взрослые! Но теперь я знаю, как начать. Вот я пришла к вам, пришла и говорю: «Слушайте, дети! Слушайте очень печальную историю.

Может быть, я бы рассказала вам историю повеселее, но тогда это была бы совсем другая история. А я расскажу не другую, а именно эту. Печальную.

Но разве люди должны всё время хохотать, ходить на голове, играть в салочки, сосать леденцы, прыгать и веселиться? Иногда люди должны сесть и подумать: о себе, о жизни, о других людях. И иногда случается, что на ум приходят печальные истории. И самое печальное в этой истории то, что она случилась на самом деле.

Мизансцена.

(Пионерский лагерь. Звучит веселая довоенная детская музыка).

Дикторский голос: Внимание! Внимание! Говорит пионерский лагерь «Прибой».

Сегодня воскресенье 22июня. Лагерь работает по плану. Температура воздуха +28 , температура воды – +22.

Экстренные сообщения: кто забыл в столовой панамку просьба обратиться к дежурному воспитателю.

{На фоне этих слов и веселой музыки дети играют в куклы, взяли машинки, прыгают в классики).

Фонограмма: *Свист летящей бомбы. Взрыв! Темнота на сцене*

Детский крик: Мама-а-а-а....

{Ведущие высвечиваются светопистолетами}

Реб.: В ту ночь на 22 июня фашистские корабли подошли близко к берегам, где находились пионерские лагеря. Знали ли враги, что стреляли по детям, что там, на берегу, в лагерях, находятся тысячи детей? Знали! Нет точной статистики, сколько детей погибло, но точно известно – многие сотни...

2-й: Некоторых детей эвакуировали на поезде, где ехали тяжелораненные. И они потом всю жизнь будут благословлять вагон с запахом лекарств. Миколас Слущкие написал об этом рассказ и назвал его «Живите!».

Женщина: Про фашизм человечество знает, кажется, всё. Пепел миллионов жертв его стучится в сердца людей. И всё же кое-где пытаются снова и снова обелить эту чуму XX века – в глазах новых поколений, которые сами не пережили ужасов Второй мировой войны.

Однако живет народная память – неподкупная память о фашизме гестаповском, концлагерном, хатынском. Суд народов не закончился в Нюрнберге. Он продолжается – в памяти народной. Суд этот необходим не только во имя исторической справедливости. Он живым нужен. Тем, кому угрожают будущие «фюреры». Неспроста говорится, что тот, кто не помнит своего прошлого, осуждён пережить его снова.

И потому так важно, жизненно важно, чтобы на весь мир звучала правда о фашизме. Жила народная память.

Дикторский голос:

Рейхсфюрер СС: Оперативное управление. Секретно.

Некоторое время тому назад я издал приказ о том, что на востоке должны быть оборудованы лагеря, в которых мы будем воспитывать детей эвакуированного бандитского населения, делать из них пригодных для работы людей, которые впоследствии будут представлять собой хорошую рабочую силу для немецкого народа.

Я надеюсь, что группенфюрер СС Глобочник проведет эту работу как самую первоочередную. Штурмбанфюрер СС Г.Гимлер.

(На площадку поднимается учитель и Вольф).

Вольф: Доброе утро, герр учитель. *{Представляется}*. Штурмбанфюрер Конрад Вольф

Учитель: Доброе утро, господин штурмбанфюрер. Чем могу служить?

Вольф: Вы глава этого приюта для сирот?

Учитель: Да.

Вольф: Сегодня я хочу вывести ваш приют на дачу.

Учитель: *{ошеломленно}* На дачу?

Вольф: Прекрасный, живописный уголок, холмы, рощи, речка. Длинная речка с коротким названием Буг.

Учитель: Треблинка?

Вольф: Да. *(Пауза)*

Учитель: Скажите, господин оберштурмбанфюрер, у вас есть жена, дети?
(Одна из женщин в черном поднимается на сцену)

Вольф: Я не хочу, чтобы ты была здесь, Маргарита.

Маргарита: Если бы ты не хотел, меня бы здесь не было. Может быть это совесть, Конрад?

Учитель: Вы мне не ответили, господин оберштурмбанфюрер.

Вольф: Да, есть. Жена и сын.

Маргарита: А если тебе прикажут и нашего Герберта отправить на эту «дачу». Ты бледнеешь и мечешься по комнате, когда у него поднимается температура. Когда у него болит горло – тебе самому больно глотать. Ну?

Вольф: Я – солдат, Маргарита.

Маргарита: Ты хочешь сказать, что ты и Герберта?..

Вольф: Я – солдат, Маргарита. У меня есть только одно право: выполнить приказ и пустить себе пулю в лоб.

Маргарита: Ты - чудовище, Конрад!

Вольф: Давай прекратим этот разговор.

Маргарита: Откажись, Конрад! Уйди в отставку, заболей, сошлись на нервы.

Вольф: Отказаться можно от работы, от дела, нельзя отказаться от миссии.

Маргарита: Ты считаешь это «миссией»?

Учитель: У ворот дачи стоит усиленный конвой, и детей отсчитывают поштучно. Потом ворота закрываются. Детей даже не выводят погулять на холмы и в рощи. И труба, большая труба, из которой круглые сутки идет дым.

Маргарита: Конрад, он все знает.

Вольф: (*учителю*) Теплоцентральный. Это дорого – но зато дети не могут заболеть ни гриппом, ни ангиной, ни воспалением легких. Вы как врач должны это оценить.

Учитель: Конечно, конечно. Дети не могут заболеть ни гриппом, ни ангиной, ни воспалением легких. Мертвые дети вообще не болеют. Это я вам говорю как врач. (*Пауза*).

Маргарита: Он ждет, Конрад. Он ждет, что ты опровергнешь это.

Вольф: Как я могу это опровергнуть?

Маргарита: Ты действительно можешь вывезти их куда-нибудь за город. И спрятать. Это тебе зачтется. Я знаю, это тебе зачтется!

Вольф: Хватит об этом! У меня должна быть ясная голова. Я на службе.

Маргарита: Твоя служба – распоряжаться жизнью и смертью? Конрад, ты бог?

Вольф: Я не бог, Маргарита. Но мы – руки господина.

Маргарита: Теперь я даже не могу сказать «господи!..». (*Сходит с площадки. Вольф поворачивается к учителю*).

Вольф: Откуда вы знаете, что дети умирают на этой даче?

Учитель: Разве я сказал «умирают»?

Вольф: Вы сказали – «мертвые дети».

Учитель: (*тихо, но уверенно*) Детей убивают. (*Пауза*).

Вольф: Я надеюсь, вы понимаете, что дети не должны ничего знать.

Учитель: Конечно, конечно!

Вольф: Дети не должны знать, что их ждет. Это было бы бесчеловечно. (*Гаснет свет. Звучит немецкая команда строиться в колонны*) (*Луч света выхватывает одну из женщин в черном*).

1-я:

Дети движутся к Треблинке к лагерю смерти.

Люди, вы это терпите?..

Люди, люди, не смейте!

Люди, станьте же гневными!

Люди, так не бывает:

Спят в округе деревни,

А детей убивают!

Я из давней истории,

Я из дальней России, Ярославна, которая на стене голосила.

Плач мой больше не музыка,

Плач мой колокол, колокол.

У меня не по мужу нынче сердце расколото.

Вы прислушайтесь, люди!

Люди, так не бывает:

Где-то пьют, где-то любятся,

А детей убивают!

Не за грош, не за денежку

Жилы детские настезь,

А за то, что поделены

Нынче люди на масти.
Люди, где ваша совесть?
Бабы, где ваши вопли!..

2-я:

Я – Норвегия. Сольвейг.
Край мой в облаке, в облаке.
Я – не женщина. Песня.
Я – само утешение,
Но накинута петли
На детские шеи.
Плач мой больше не музыка,
Плач мой колокол, колокол.
У меня не по мужу
Нынче сердце расколото.
Люди, встаньте, как горы!
Горы – к ярусу ярус! Люди, вот ваше горе! Люди, где ваша ярость?
Разве дети снежинки,
Чтобы просто растаять? Люди, люди, скажите,
Вы не троллями стали?
Люди, это не правда,
Люди, так не бывает:
Вы и слева и справа,
А детей убивают!
Что вы все онемели? Иль беды не постигли?

3-я:

Я – Фломандия. Нелли.
Я – жена Уленшпигеля.
Плач мой тоже не музыка,
Плач мой колокол, колокол.
У меня не по мужу
Тоже сердце расколото.
От Саара до Брюкена
Небо дымом застелено.
Спят немецкие бургеры
На двуспальных постелях.
Люди, как это можно,
Люди, так не бывает!
Спят на Рейне и в Мозеле,
А детей убивают!
Разве мир – это пустошь?
Люди, так не бывает:
Есть науки, искусства,
А детей убивают!
Люди, это не сказка,
Как могло так случиться:

Пятилетних классов
Пепел в сердце стучится!
Мир преступностью мечен!
Плачьте, немки, мы требуем.
Или греют вас печи
Освенцима и Треблинки?
Никуда вам не деться!
В мире плач прибывает.
Плачьте, немки, по немцам,
Что детей убивают!
Красноморды от рома
И от пламени, пламени!..

Маргарита:

Отрекаюсь от рода!
Отрекаюсь от племени!
Я была Маргаритой,
Отрекаюсь от Фауста,
Потому что горит он –
Тот огонь над Маутхаузенем.
Знаю, это не сказка –
Баба я – не волчица.
Пятилетних классов
Пепел в сердце стучится.
Бабы, бабы, вы правы,
Бабы, так не бывает:
Люди слева и справа,
А детей убивают.
Бабы, бабы, вы правы,
Только это бывает-
Те, кто слева и справа,
Те детей убивают.
Это брат мой и муж мой.
Плач мой грозен, как колокол!
Только разве он нужен
В этом мире расколотом?
Плачем кровь не омоется...
Бабы, это бывает:
Где-то пасторы молятся,
А детей убивают.
Перестаньте! Не смейте!
Пусть захлопнуться требники,
Если лагерем смерти
Стала польская Треблинка!
Никуда нам не деться,
Бабий плач прибывает,

Плачут немки по немцам,
А детей убивают!

(Темнота. Мерный шаг солдатских сапог. Звучит немецкая речь. Девочки и мальчики строятся в колонны. Зажигается нижний свет. Полумрак).

Учитель: Млодек! Млада! *(Дети прижимаются к Учителю).*

Ничего этого не было! Слышите? Ничего! Давайте говорить про детские вещи. Давайте говорить про детскую зиму, а? Есть зима взрослая, скучная, а есть детская, весёлая. Когда я смотрю на снег, я уже думаю, что будет слякоть, чувствую на ногах мокрые ботинки, думаю – а хватит ли угля? А есть другая зима. Просто зима. Детская. Когда – санки, снежинки и ветер. И красные щёки. И снова санки. И снежинки. И ветер. И всё очень просто и весело. Или весна. Просто весна. А лето? Просто солнце, просто небо и простой весёлый дождик, когда босиком – по лужам! И весело, и щекотно, и не очень жарко, и просто замечательно: или давайте помечтаем – кто кем будет? А? Вот Млада хотела стать герцогиней. Но разве есть школы, где учат на герцогинь? Нет таких школ: и мы с Младой решили, что она станет артисткой. И будет играть герцогинь и ещё разных других людей. Правда, Млада?

Млада: Конечно, пан Учитель!

Учитель: А ты, Млодек? Ты кем хочешь стать, когда вырастешь? А? Я помню, ты мне говорил, что хочешь стать шофёром такси. Или вагоновожатым. Или контролером на поезде, чтоб не замечать ни одного зайца: пусть себе едут бесплатно, раз у них нет денег! Ведь это так замечательно – ехать на поезде. Каждому хочется. Ну, Млодек, так кем же ты хочешь быть, когда вырастешь?..

Млодек: Живым!!!

(Темнота. Фонограмма песни «Саласпилс» из репертуара ВИА «Поющие гитары». На фоне песни, на ее втором куплете зажигается яркий свет на сцене и к надломленной березе подходят дети-пионеры. Они снимают свои галстуки и повязывают их на ствол березы. Уходят. Выходят ведущие. Музыка микшируется).

Ведущий:

Всё было взаправду, всё было не где-то, я сегодня посмел оглянуться назад, чтобы встретить глаза фашистского гетто, глаза расширенные детей. Подивиться причудам их затей, подавиться их плесневелой коркой.

На чужих площадях убивали не нас, но хочу достучаться, добиться, дозваться, чтобы раскрыли четырнадцать тысяч глаз дети, расстрелянные в Крагуеваце.

Ведущий:

Человек, не бойся прошлого. Встань! Готов ли ты к необычному рейсу, чтобы вновь упереться в броню, сталь Третьего рейха?.. Встань, как ответчик, встань, как судья, перед тем, что сегодня зовется прошлым. Нервы – сюда, сердце – сюда, просим друзья вас, очень просим.

{Гаснет свет. Зажигаются лучи пистолетов, которые выхватывают героев-подпольщиков}.

Герои-подпольщики: Если попросить сегодняшних юных могилевчан перечислить имена героев-подпольщиков. То первой, скорее всего, назовут Таню Карпинскую.

Ведущий: Главным заданием Тани в период оккупации было печатать сводки Совинформбюро. Ей помогала двоюродная сестра Женя. Трудились не покладая рук. Всего до дня ареста их было напечатано несколько тысяч.

Ведущий: В марте 1943 года Карпинских арестовали.

(Звучит фонограмма песни "Учительница первая моя").

Т.К.: – Они били меня, а я думала о Толе, как им было трудно, и мне становилось легче.

– Они били меня, а я думала, как наши защищали Сталинград, и это мне помогало выжить.

– Они били меня, а я думала о том, как придет победа, и город наш станет свободным, и мечта моя осуществится.

(Фонограмма усиливается, потом микшируется). Я пришла в класс на свой первый урок (делает несколько шагов) Я расскажу вам сегодня... (музыкальный обрыв)

Ведущий: Но мечтам Тани не суждено было сбыться. Карпинским пришлось выдержать нечеловеческие издевательства. У Тани была возможность побега, когда ее, измученную пытками, поместили в городскую больницу. Она отказалась от этого, боясь навредить матери. В июле 1943 года их казнили. *(Женщина в черном со свечой. Вокалис – "Лакримоза" Моцарта).*

Ведущий: В детстве любил Борис проснуться рано утром и, распахнув настежь окно, минуту-другую полюбоваться красотой утреннего города. А затем, захватив приготовленные с вечера удочки, забежать по пути за своим другом Володькой Черновым, который жил на Первомайской улице в доме напротив, чтобы вместе идти на рыбалку к Днепру.

Ведущий: В 1941 году то счастливое и безмятежное время навсегда отошло в прошлое. Борис Степанчук, шестиклассник средней школы №3 очень быстро повзрослел, особенно тогда, когда вступил в ряды могилевских подпольщиков.

(Тихим фоном звучит легкая музыка довоенных лет).

Ведущий: Сразу же после освобождения Могилевщины Борис, которому не исполнилось и семнадцати лет, уходит добровольцем в Красную Армию, приписав себе лишний год.

Ведущий: После этого почти восемь месяцев получала Надежда Львовна Степанчук с фронта от сына скупые солдатские письма.

Б.С.: Дорогая мамочка, находимся теперь в Восточной Пруссии. Это значит, что скоро доберемся до самого логова фашистского зверья. Советские солдаты по заслугам воздадут им за беды и мучения нашего народа.

Спасибо тебе, дорогая мамочка, что воспитала в моей душе неугасимую любовь к нашей Родине. Именно она помогает идти к заветной цели – к Победе!

До скорого свидания. Твой сын Борис.

Ведущий: Но свиданию этому не суждено было сбыться. В жестоком бою пал он смертью героя недалеко от города Кенисберга.

{Музыка затихает. Звучит "Лакримоза". Выходит женщина в черном со свечой}.

Ведущий: О наградах людям, рисковавшим жизнью в подполье, долгое время говорить было не принято. Ордена и медали не скоро нашли героев.

(Фоном звучит музыка).

Ведущий: В этом славном строю особое место занимает Леонид Лорченко -единственный участник Могилевского подполья, удостоенный звания Героя Советского Союза.

Ведущий: В середине июня 43 года, находясь в боевом охранении около деревни Рудня Бельничского района, вместе с группой бойцов его окружили.

Ведущий: В перестрелке погибли товарищи Лени. Когда в автомате закончились патроны и фашисты приблизились вплотную, он поднялся им навстречу со связкой гранат. Прогредел взрыв...

("Лакримоза". Женщина в черном со свечой. Женщины-матери со свечами в руках идут по кругу на темном фоне сцены. Останавливаются возле надломленной березы. Включается полный свет в зале и на сцене. Под стук метронома через зал на сцену к березе пионеры несут на плече гирлянду, опоясанную красной лентой и возлагают ее к "памятнику". Минута молчания сменяется песней "Журавли", которую исполняет ребенок и ветеран войны).

Ведущий: У нас в гостях наши земляки, чье детство сжигали, расстреливали, убивали, убивали и бомбой, и пулями, и голодом, и страхом, и безотцовщиной.

(Интервью. Песня «Кто сказал, что земля не поет» В.Высоцкого)

Ведущий: Но помнят дети войны и победу.

«Включили репродуктор, а они – маленькие, слов не разобрали, но поняли, что радость идет оттуда, сверху, из чёрной тарелочки репродуктора.

Кого поднимали на руках взрослые... Кто лез сам... Залезали друг на дружку, третий или четвертый малыш доставал до чёрной тарелочки и целовал её. Потом менялись. Всем хотелось поцеловать слово «победа»...».

(Далее идет концертная программа, которая может быть на уже имеющихся или заранее подготовленных номерах).